

МИХАИЛ СЕВЕРИН

ХОРОШИЕ НОВОСТИ

В ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ
ЕСТЬ ПОВОД ДЛЯ ОТЧЁТА

Михаил Северин

Хорошие новости

<https://litres.ru/74432857>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сломанный холодильник — это выведенное из эксплуатации оборудование первого поколения. Крысы на складе — взаимодействие с фауной прилегающих территорий. Драка грузчиков — неформальная коммуникация с выходом на конструктив.

Провалившийся пол — естественная интеграция товарных остатков в структуру здания.

За каждую такую строчку в этой торговой сети платят две тысячи рублей. И пишут теперь все: директора, кассиры, грузчики, сторожа.

Работать, правда, стало некому.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Михаил Северин

Хорошие новости

Пролог

В два часа ночи в бакалее третьего филиала «Вертикали» на Вокзальной провалился пол.

Готовилось это давно и без нервов. Перекрытие тут заливали в семьдесят восьмом под овощебазу, которая сорок лет держала на себе капусту в сетках и ни разу не пожаловалась, а потом пришли новые времена и поставили над ней три яруса консервированного горошка. Бетон думал над этим восемь лет и ответил ночью, когда в зале не было ни души, из чего видно, что воспитан он был лучше многих.

Оксана Дмитриевна стояла на краю пролома три на два метра и светила вниз телефоном. Внизу, в песке и щебёнке, лежал опрокинутый стеллаж, из лопнувших коробок раскатились банки и подмигивали ей со дна, а ещё ниже стояла вода из перебитой трубы и прибывала не спеша, с полным сознанием того, что до утра успеет.

Сторож Петрович держался в трёх шагах с фонарём, ровно на том расстоянии, на котором человек ещё считается свидетелем, но уже никак не виноватым.

— Вызывать кого?

— Утром.

— Воду перекрыл, — доложил Петрович. — Вентиль не идёт, но я перекрыл, сколько идёт. И электричество отключил, как услышал.

До утреннего отчёта оставалось пять часов, и Оксана Дмитриевна рассудила здраво, что писать такие вещи надо сразу, пока стоишь над ними и всё видишь, а не утром на свежую голову, когда голова начнёт задавать вопросы.

Она открыла в телефоне форму и напечатала первое, что подвернулось.

«Обрушение пола в бакалее».

Строчка вышла честная, и оттого на неё было больно смотреть. В ней стояло всё сразу — и пол, и обрушение, и бакалея, и человек, при котором это случилось. Она подержала её на экране, вспомнила, что за машину осталось внести два платежа, и стёрла.

«Авария перекрытия, товар уничтожен».

Эта продержалась дольше. Слово потехничнее, вина размазана по строительным конструкциям, про горошек сказано с уважением к утрате. Но и она не годилась, потому что уничтоженный товар в семь утра читается наверху как похороненная премия.

— Оксана Дмитриевна, — окликнул Петрович. — А напишите, что обрушения нет.

— Как это нет, когда вот оно.

— Так его и нету. — Петрович опустил луч в пролом. —

Пол на месте. Он теперь ниже, и всё.

Она оторвалась от экрана.

— Ты чего это?

— Так я подать хочу. — Петрович переступил с ноги на ногу. — Мне девчата говорили, за хорошие слова восемь тысяч дают, а за самые лучшие двенадцать. У меня внучке на секцию надо, полторы в месяц.

— Ты сторож.

— Так с сентября всем можно. В бумаге прописано: писать может любой сотрудник.

И Оксана Дмитриевна стёрла вторую строчку, перехватила телефон поудобнее и вывела замёрзшими пальцами, разборчиво, без единой помарки, как выводят под диктовку свыше.

«Произошла естественная интеграция товарных остатков в структуру здания. Внедряется альтернативная схема прохода покупателей».

Перечитала. Пол в этой строчке никуда не падал, горошек никуда не упал, покупатель получал новый маршрут, и всё это было чистой правдой до последней запятой.

Отправила.

— Красиво, — оценил Петрович, заглянув через плечо.
— А моё?

— В следующий раз.

— Так я же первый сказал.

— Ты сторож, Петрович.

Тот посветил в пролом ещё раз, проверяя, на месте ли. Пролом был на месте. Петрович выключил фонарь.

А Оксана Дмитриевна сделала шаг назад, чтобы не промочить ноги.

Глава 1

Телефон дёрнулся на полке в половине восьмого, когда Егор Соколов вёл бритвой под кадыком. На экране горели две буквы, «С. М.», и был это не контакт, а метеорологическое явление, известное в «Вертикали» решительно всем, от финансового директора до грузчика на приёмке. Все они твёрдо знали одно: в половине восьмого утра эти буквы не загораются к добру.

— Ты где?

— Дома ещё, Сергей Михайлович.

— Спускайся. Я во дворе.

Егор отвёл занавеску мизинцем и оставил на ней мыльную пену. Внизу, поперёк двух парковочных мест и порядочного куска газона, громоздился внедорожник, приткнутый так, как это делает человек, которому никто и никогда ничего по такому поводу не скажет. За рулём сидел Михалыч сам. Коля возил его восемь лет и входил в утренний распорядок наравне с чаем. Нынче отменили и то и другое, а это сообщало о положении дел больше любой сводки.

Егор полоснул бритвой, коротко высказался о своей жизни, зажал порез и спустился за две минуты, показав результат, недостижимый для него со студенческих лет.

В салоне пахло кофе с круглосуточной заправки и мокрой резиной. Михалыч тронулся, не дожидаясь, пока пассажир

справится с ремнём, и свернул во дворы, где местные ездят напрямик с детства, а чужой человек непременно упрётся в шлагбаум или в песочницу.

— Куда едем?

— Смотреть.

До третьего светофора он не проронил ни слова. Поймал станцию, выслушал бодрого диктора, сулившего городу к обеду плюс двадцать восемь без осадков, и выключил его на полуслове.

Тишина в машине немедленно занялась делом. Она напонила Егору, что в одиннадцать у него совещание по накладным расходам, а в майской выкладке финансовой службы отдел корпоративных коммуникаций стоит первой строкой сверху — в том разделе, который называется нейтрально, а читается однозначно сокращением.

Михалыч, не глядя, протянул ему телефон.

Недостача. Срыв поставки. Поломка. Взыскания, четыре человека. Падение по плану продаж, отклонение по срокам приёмки. Течь в Кузнецове, повторно. Егор листал вниз, ожидая, когда это кончится, но составлял документ человек добросовестный, а совесть в отчётности не знает жалости.

— Это сводная за сутки.

— Это, Егор, три года подряд. — Он перестроился без поворотника, и сзади ему посигналили длинно, с душой. — Двадцать восемь магазинов. Четыре с половиной тысячи человек. И каждое утро мне докладывают, какие мы убогие.

За окном шло утро середины июня, и город занимался обычными своими делами. У киоска на Пролетарской стояли шестеро в спецовках, половина с кефиром, и по лицам было видно, что рабочий день начнётся не раньше, чем допьют. Мужик в оранжевом жилете сгребал у депо тополиный пух, и пух возвращался, и мужик сгребал снова, и в отношениях этих было столько взаимного уважения и столько понимания вечности задачи, что торопиться не имело смысла ни одной из сторон. У недоделанного моста с апреля лежали три бетонные плиты. За два месяца их не сдвинули ни на метр, и всякий проезжающий мог заключить, что лежат они по праву, а тревожить их — только портить.

Магазин на Вокзальной занимал угол между шиномонтажом и наглухо закрытым «Всё для рыбалки». До рыбаков в этой двери держали кожгалантерею, до кожгалантереи цветы, а ещё раньше, при рынке, там торговали обувью с раскладного стола, и обувь была единственной из всех, кто продержался тут больше трёх лет. Место в городе считалось невезучим, и мнение это держалось на четырёх подряд закрывшихся арендаторах, то есть на основании более прочном, чем у иных научных теорий. Парковки тут хватало на девяносто машин. Егор насчитал четыре, включая ту, в которой приехал.

Заглушив мотор, Михалыч посидел, не открывая двери.
— Тут рынок стоял, — обронил он. — Вон там мясные ряды, а где нынче шины — обувь.

Потом кивнул на фасад.

— Читай.

Над входом горело «ертикаль». Буква «В» не светилась, и горожан зазывали в «ертикаль».

Заходили.

Вывеску вешали в четырнадцатом, когда сеть только пришла в город и на первый магазин денег не жалели: девять букв в полтора метра, объёмные, с внутренней подсветкой, и крепили их приезжие с автовышкой за один день. В апреле «В» погасла, и погасла не лампочка, каких там нет вовсе, а модуль ценою в четыре тысячи двести, и покоится он на складе у подрядчика, который обслуживает вывеску по договору, не продлённому на текущий год из-за перенесённого тендера. Так буква «В» стала существовать сразу в трёх бумагах и ни в одной из них настолько, чтобы кто-нибудь поднялся к ней с ключом.

— Два месяца, — уронил Михалыч и вышел, хлопнув дверью так, что качнулась тяжёлая машина.

Перед входом стояла лужа. Собиралась она тут с прошлой осени, крыльцо за это время ремонтировали дважды — сперва перекладывали плитку, потом заново давали тот же уклон, — и оба раза лужа возвращалась на прежнее место с точностью до сантиметра. Дело было не в уклоне, а в ливневом колодце в четырёх метрах, забитом ещё при рынке. Зимой её посыпали песком, летом огибали, и за два года она сделалась такой же приметой магазина, как турникет. Егор обошёл её

по бордюру, оберегая светлые замшевые ботинки, в которых с весны не выбирался дальше переговорной.

Ринат из охраны доедал у турникета сосиску в тесте, взятую в здешней кулинарии за полцены — привилегия, которой в этом магазине дорожили больше, чем квартальной премией, потому что премию обещали, а сосиску давали. Завидев хозяина, он дождался, обтёр ладонь о штанину и подал её первым.

— Здрасьте, Сергей Михалыч.

— Здорово. Народу-то нет.

— Так утро же, и днём не будет. У нас с четверга и по субботу так, а в воскресенье с обеда идут, но мало.

Договорив, Ринат отступил за стойку, повернулся к ней спиной и снял с пояса рацию — манёвр, при котором говорящий полагает себя невидимым, а слышно его становится вдвое лучше.

«Стоит у турникета. Со вторым».

— Слыхал? — Михалыч даже не обернулся. — Меня по рации ведут. Как менты когда-то.

Порядок этот завёлся при позапрошлом директоре, когда из центрального стали ездить с проверками по два раза в месяц, и придумал его не кто-нибудь, а начальник охраны, человек ответственный, полагавший, что предупреждённый сотрудник работает лучше внезапно застигнутого. Директор с тех пор сменился дважды, проверки почти прекратились, а система осталась и работала безотказно, потому что за пять

лет к ней привыкли все, включая тех, кого предупреждали.

Внутри пахло хлоркой, вчерашней курой-гриль и погребом. Копится он в провинциальном гипермаркете со второго года и переживает любой ремонт, всякую смену вывески и три поколения директоров. Из потолочных динамиков лилась эстрада такой неумимой жизнерадостности, какой в зале не наблюдалось ни на одном лице, включая лица покупателей.

Из четырёх касс работала одна, и объяснялось это не жадностью, а арифметикой высшего порядка: три тёмные кассы в семь утра стоят компании ровно столько же, сколько три светлые, зато в отчёте по фонду оплаты труда выглядят несравненно приличнее. К единственной живой тянулись пятеро — женщина с двумя пакетами гречки, дед с кефиром, парень с энергетиком и две бабки, успевшие за это время разговориться про третью.

Кассирша сидела на маленькой подушке в цветочек, принесённой из дома, потому что казённый стул рассчитан на человека без поясицы, и подпирала рукой щёку.

— Здравствуйте, — обронил Михалыч.

— Здравсьте, — отозвалась она, ладони не отнимая, и потянулась пробивать гречку.

Он постоял над очередью, окинул взглядом пустующие кассы и двинулся дальше, и спина у него при этом выпрямилась — так держится человек, нагрянувший без предупреждения и выяснивший, что о его приезде знают уже минуты

четыре.

В овощном он помял помидоры, переложил пару штук из нижнего ряда наверх и оглядел пальцы. Мимо провезли воду, и на поясе у грузчика захрипело.

«У овощей. Товар щупает».

Грузчик прибавил шаг и укатил за угол, не оглянувшись, ибо человек, который ничего не видел, ни за что и не отвечает, и правило это в торговле старше самой торговли.

В молочном отделе девочка в зелёном фартуке раскладывала по нижней полке ряженку, наклоняясь всем телом. Из-под плёнки глухо заговорила рация — «Даша, приём, он к тебе идёт», — но у Даши обе руки были заняты, а ряженка, в отличие от начальства, портится по графику.

Михалыч поднял пакет, поднёс к глазам, вернул и потянулся за следующим. Перебрав несколько, он вытащил из дальнего ряда три штуки посвежее и выставил вперёд.

Даша забрала их и убрала обратно. Он достал снова и поставил как было. Она вынула и задвинула назад.

Так молоко прошло по полке три круга, и всякий раз обе стороны были правы совершенно и безоговорочно, что и составляет главное неудобство подобных положений.

— Даша, — прочитал он на бейдже. — А почему свежее сзади?

— Так это по акции. У чего срок ближе, то и уценено, ему вперёд и полагается.

— А мои тогда куда?

— А ваше не учено, оно потом само подойдёт.

Ответила она не задумываясь и снова потянулась к полке.

— Вот, — обернулся Михалыч к Егору. — Она мне за пять секунд объяснила мироустройство лучше, чем твоя рассылка за три года.

— Сергей Михайлович, рассылку не я составляю.

— А кто?

— Сменный аналитик, он просто сводит по формам от филиалов.

— Значит, он у меня один и работает.

У бакалеи Даша их догнала.

— Сергей Михайлович. А правда, что за наставничество доплачивают?

— Кто сказал?

— В положении об оплате труда есть пункт, седьмой, я читала. — Даша перехватила коробку поудобнее. — Я третий месяц новеньких обучаю, четверых уже. Там написано, что положено.

— Сколько?

— Не написано сколько. Написано, что положено.

Формулировка прожила в положении об оплате труда одиннадцать лет, пережила двух кадровых директоров и одну реорганизацию, и держалась в документе именно на том, что цифры в ней не стояло. Написать «положено» дёшево. Написать «две тысячи» дорого.

— К начальству иди.

— Ходила.

Она вернулась к тележке и о них забыла.

Егор задержался на шаг. Человек, умевший говорить с залом на сто человек, с журналистами и с двумя губернаторскими помощниками сразу, перебрал про себя три фразы, все три отменного качества и все три пресс-релизные, и не произнёс ни одной.

— Ну? — Михалыч не сводил с него глаз. — Ты ей чего дашь? Грамоту?

У входа в подсобку торчала швабра в ведре, брошенном поперёк прохода ещё во вторник, когда уборщица Валентина Петровна плюнула на всё и ушла в «Магнит», где ей пообещали на две тысячи больше. Ведро продержалось три дня, и за эти дни произошло то, что случается со всяким предметом, который никто не имеет права убрать: его начали обходить с двух сторон, потом обходили уже не задумываясь, а к четвергу кто-то пристроил на край моток упаковочной плёнки, чем окончательно ввёл ведро в состав интерьера и снял вопрос с повестки.

Михалыч остановился.

— Оно тут сколько?

Отвечать было некому. Директора рядом не случилось, Даша ушла к себе, а ведро на такие вопросы не отвечает принципиально.

Хозяйку магазина они слышали раньше, чем увидели. От служебного коридора через весь зал нёсся частый стук каб-

луков, и по дороге к нему добавлялось — щёлкнул вставленный ценник, брякнула поднятая банка, зашелестел подтянутый угол баннера. А в бакалее ко всему этому прибавилось тяжёлое дыхание человека, который пробежал полсотни метров и намерен доказать, что шёл шагом.

Оксана Дмитриевна вылетела из-за стеллажа, на ходу подхватила ведро за дужку, отставила к стене и лишь после этого поздоровалась.

— Сергей Михайлович! Что ж не предупредили, мы бы встретили.

— А я посмотреть.

— Смотрите, конечно, у нас всё под контролем, по погрузчику завтра ремонтники будут, я лично дождала, по уборке человека нашли, выходит с понедельника, по молочке акция, оттого и выкладка такая, мы её сегодня же перебираем, а что народу нет, так это с четверга затишье, к началу недели не протолкнёшься.

Говорила она пулемётом и на ходу, двумя пальцами направляя перекошенные ценники, один, другой, третий.

— Оксана Дмитриевна. Подойди к кассирше, она у тебя щёку рукой держит, я ещё на входе заметил. Спроси, что у неё, и решите.

— Сделаем.

— Касса чего одна?

— Вторая с девяти, по графику.

— А буква на фасаде?

Тут Оксана Дмитриевна сбилась на полсекунды.

— По букве заявка подана.

— Когда?

— В апреле.

— И что?

— И ничего. — Она поправила последний ценник и выпрямилась. — Я подала, а дальше ответственность эксплуатации.

Формула эта в крупной компании стоит дороже золота. Она не оправдывается, не спорит и не врёт, она просто указывает, где кончается один человек и начинается другой, а между ними лежит тёплая обжитая полоса, в которой два месяца живёт перегоревшая буква и чувствует себя превосходно.

На складе холодильник, лампы горели через одну, а от ворот по грязному бетону тянулся мокрый след, происхождением которого не интересовались, потому что вопрос тут автоматически влечёт за собою ответственность. Где-то под потолком забытая рация откашлялась и объявила устало — «Тревогу отменяю, он уже внутри».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.